

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

О "ЗАПАДНОМ КРАЕ" (УИ-IX вв.)

В настоящее время в китайской литературе очень оживленно дебатруется вопрос о степени общности между собственно китайскими землями и Центральной Азией в связи с недавними археологическими находками в Турфане. Выводы китайских ученых в основном сводятся к следующему: археологические находки "полностью доказывают, что в то время данный район в политической, экономической и культурной сферах ничем не отличался от внутренних областей [Китая], и свидетельствуют, что Синьцзян с древности является неотъемлемой частью территории нашей родины"¹.

Приведенные выше утверждения не выдерживают никакой критики и совершенно не соответствуют данным китайских источников по истории центральноазиатских земель, что было хорошо показано в статье С.Кучеры "Некоторые проблемы, связанные с археологическими находками в Турфане и уезде Хаохэсянь". Однако высказывания подобного рода грешат не только против исторических фактов, но и против всего склада духовной культуры и политического сознания китайского народа в эпоху средних веков. В этом можно убедиться, рассматривая те китайские тексты, в которых отношение китайцев танского времени к землям на Западе высказано попутно, спонтанно и, может быть, даже неосознанно и никак не в связи с обсуждением данного вопроса в политической плоскости. Этим требованиям, как нам кажется, удовлетворяет целый ряд рукописных текстов, обязанных своим появлением визиту дуньхуанского, т.е. из земли гораздо более близкой, чем Турфан, буддийского монаха У-чжэня в Чанань в 851 г.

Посольство из Дуньхуана в столицу в 851 г. имело целью официально ознаменовать возвращение этого района в сферу общеимперской власти после долгого периода отъединения, связанного с внутренними беспорядками в империи и с тибетским завоеванием Дуньхуана. В Чанани У-чжэнь был встречен весьма радушно, и по поводу его прибытия

целый ряд виднейших представителей столичного духовенства написали хвалебные стихи, которые сохранились среди рукописей в дуньхуанской библиотеке и были опубликованы Чэнь Цзо-луном в его работе "Жизнь и труды У-чжэня (816-895). Материалы для истории культуры Дуньхуана"². Нам кажется, что эти тексты могут быть интересны в связи с рассматриваемой нами темой. Приведем их:

(1) Славословие, [написанное монахом] бхадантой Бяньчжаном, главой трех учений из монастыря "Тысячекратная благодать" в правом районе [столицы], пользующимся привилегией доступа во дворец [императора] для проповеди и награжденным [императором] фиолетовым облачением.

Сила дэ нашего государства распространилась на далекие и дикие земли. Путь его столь же высок, как у Яо и Шуня. Деять тысяч владений обратились к покорности, [все] "четыре моря" приезжают [ко двору] государя. Все славит мо арха, обретшего Путь, все наслаждается преображением посредством надеяния.

Монах У-чжэнь, приехавший из округов Гуа и Ша, родился и жил на западной окраине, [и вот теперь он] приехал в Высшее государство. По приказу императора он был допущен в Пурпурный дворец и собственными глазами [созерцал/лик [императорского] дракона. Он исчерпывающе выразил искренность [своей] подлинной верности и продемонстрировал нормы поведения подданного. Совершенномудрый государь оценил его ум, а мудрые министры - его стойкость [в претворении] буддийского учения. Императорским приказом ему было позволено посетить монастыри, расположенные в двух районах столицы, вследствие чего [я был назначен] для проведения расследования основ [его] буддийской доктрины, с тем чтобы выяснить, что есть общего и что отличного [в буддийском учении нашей] большой страны и [этого] варварского округа (жун чжоу). Я же, Бяньчжан, не наделен ни хорошей памятью, ни ученостью, способной породить знания, а потому я стыжусь председательствовать на диспуте [и вести дискуссии] с выдающимся талантом из округов Гуа и Ша. Я сказал [эти несколько] пустых слов языком вялым и неряшливым, а теперь

я прошу высказаться [Вас], чтобы [все мы] могли услышать [Вашу] прекрасную речь.

У-чжэнь не посмел отвечать монаху. Он только поблагодарил его в следующих поэтических строках:

Родившись в землях барсуков и лисиц (ху хэ ди)
И выросши в городе на краю пустыни,
Я не смог научиться [методу] "плющегося фениксом"⁸,
А лишь попусту занимался сбором светлячков⁴.

Бянь-чжан в ответ преподнес [У-чжэню четверостишие] на те же рифмы:

[Вы] родились в земле верности и правильности
И издали почитали город фениксов⁵,
Вы закончили учение в третьем месяце зимы⁶—
Зачем же говорить о сборе светлячков?⁷

(II) Две строфы, восхваляющие монаха из округов Гуа и Ша, приехавшего выразить свою искренность [Государю, написанные] монахом Цаун-чжи, бхадантой монастыря "Тысячекратная благодать" из правого района [столицы], проповедующим в дьорцовой часовне и обязанным по совместительству отвечать на императорские указы и награжденным [императором] фиолетовым облачением:

Сколь длинен путь от реки и заставы в пустыне!
[Вы], учитель, смогли поднести [свои] земли
И издали выразить свою искренность,
Поэтому разве не смешно [сейчас вспоминать]
О подношении племенем люй собаки во?⁸
[Ведь] история называет [это подношение] данью.

Проехав из конца в конец плоскую пустыню,
Вы прибыли в долину реки Хань.
Передвигая свой посох проповедника, [Вы]
стремились явиться к [Сыну] Неба.

Ведь сейчас настало время преображения неделинем,
С ним не может сравниться даже сияющая мудрость Йо и
Муни⁹.

(Ш) Пятисложное славословие, состоящее из одной строфы, прославляющее монаха из округов Гуа и Ша, проявившего свою искренность, написанное бхадантой Дань-цзянем монастыря "Тысячекратная благодать" из правого района столицы, числящегося при дворцовой часовне и обязанного отвечать на императорские указы:

Милость совершенномудрого императора затопила все края.
В округах Гуа и Ша жил удивительный монах.
Он обладал всевозможными талантами,
И ум его пылал, как тысяча ламп.
Он пришел лично выразить императору свою искренность
И обсудить свои способности к преобразению.
Указ императора велит наградить его при отъезде,
Знаки исключительного монаршего расположения
К нему следует один за другим¹⁰.

(IУ) Пятисложная строфа о монахе из округов Гуа и Ша, приехавшем выразить свою искренность императору, написанная бхадантой Янь-чу, проповедующим в императорском дворце и по совместительству отвечающим на императорские указы, проживающим в монастыре "Почитания прежнего" в правом районе столицы:

Хотя страна, где Вы живете, иная, чем наша,
Но ведь монаршая милость для всех государств одина.
Вы издали приказы, чтобы предстать пред вратами
Феникса,
И обратились к покорности, приветствуя государеву
Мудрость.

В разгар лета мы слушаем пение иволги,
Любуясь в сумерках цветами, роняющими багровые
лепестки.

[/Ваши/] ясные доводы способны поразить при дискуссии,
[/Ваша/] обширная ученость еще в юности обеспечила вам
успех.

Великое учение Будды пришло с Запада,
И пусть распространяется [/оно дальше/] к Востоку.
Ныне, [/когда Вы/] получили указание совершенномудрого,
Все [/Ваши/] движения будут овеваны небесными ветрами¹¹.

(У) Пятисложная строфа, прославляющая монаха из округов Гуа и Ша, пришедшего выразить свою искренность [/императору/], написанная шраманой Юй-янем из монастыря "Тысячекратная благодать", расположенного в правом квартале столицы:

Потоки [/благих влияний/] совершенномудрого распростра-
нились на дальние и дикие [/земли/],
[/И Вы/], монах, пришли [/к нам/] из далекого края,
[/Вы/] следили за своим поведением в [/своей/] варварской
стране (жун лу ди),
[/И она/] превращается в край норм и ритуала.
[/Ваша/] образованность обширна, и [/Ваши/] слова изящны.
[/Ваши/] ясные рассуждения исполнены глубокого смысла.
Благоволение, [/которым двор/] ответил на [/Вашу/] славу,
велико.

И оно еще увеличится, [/когда Вы/] отправитесь
в обратный путь¹².

(У1) Почувствовав на себе преобразующее влияние совершенномудрого императора, высокодостойный человек, монах У-чжэнь, наставник учения в области Дуньхуан, явился с посланием ко двору. По этому поводу монахом монастыря "Благодарение совершенной мудрости" Цзянь-гуном, награжденным фиолетовым облачением, составлены [/восемь/] строк на четыре рифмы:

[/Ваша/] слава донеслась [/к нам/] из области Дуньхуан.
[/И вот Вы/] сами прибыли ко двору Солнца и Луны¹³.

Он сравним с приездом Бо-вана¹⁸, привезшего новые карты,
[Мы] узнали от [Вас] о вечной весне в Дунью¹⁹
[И о том, что] травы [в долинах] рек Хэ и Хуан (?)
не засыхают.
Далеко ли [Ваша] область от пяти Индий?²⁰
И если смотреть на запад, можно ли увидеть покрытые
снегом горы?²¹

(IX) Экспромт в честь наставника учения У-чжэня из
Хэси, [составленный] Схадантой Ю-фу, пользующимся правом
служения в императорском дворце и облеченным по совмести-
тельству обязанностью отвечать на императорские указы:

На песчаной окраине рассеялась варварства пыль,
[Вы, подобно] Тянь-циню, прибыли в императорскую
столицу²²,
[Ваш] изысканный высказывания демонстрируют блеск
интеллекта,
[Ваш] суждения охватывают все стороны доктрины.
О, счастье! О, радость! Гармония тверди земной
и небесной!²³

Ликую, встречаем сияние Луны и Солнца!
Когда [Вы] вернетесь в свой край, сообщите об этом
правителю,
[Чтобы] вместе [нам] славить начальное спокойствие²⁴.

✽ ✽ ✽

Предположим, что современные китайские толкователи
археологических находок в Турфане правы и что китайцы
танского времени действительно ощущали Западный край как
неотъемлемую часть своей родины. Какие же темы должны
были занять в этом случае ведущее место в текстах, посвя-
щенных посольству, знаменовавшему собой воссоединение с
Китаем Дуньхуана - области, намного более близкой и на-
много более тесно связанной с собственно китайскими зем-

лями, чем Турфан? Конечно, в первую очередь тема воссоединения; с большой вероятностью можно предположить также, что речь могла бы идти и о тяготах иностранной оккупации, о борьбе с иноземными захватчиками, о победе над ними, о единстве народа Дуньхуана и остального Китая и т.д. Нет смысла множить эти догадки, поскольку никаких, даже очень отдаленных отзвуков рассуждений на эти темы, за исключением, может быть, нескольких весьма туманных намеков на прекращение тибетского владычества над Дуньхуаном, в приведенных нами текстах нет.

Естественно возникает вопрос, почему так случилось. Проще всего сказать, что приведенные нами поэтические тексты не имели никакого отношения к политике, а потому и не касались политической стороны посольства из Дуньхуана. Беда только в том, что этот ответ совершенно исключается, ибо все девять посвященных У-чжэню стихотворений написаны в строгом соответствии с политической доктриной, только не с той, в которую хотят нас заставить поверить современные китайские историки, а с совершенно иной, с реально существовавшей на протяжении многих веков традиционной китайской политической доктриной взаимоотношений Китая с внешним миром. Эта доктрина строилась на ряде незыблемых принципов, о которых нам и напоминают стихи в честь У-чжэня.

Напомним вкратце главные положения, на основании которых развивались взаимоотношения Китая с внешним миром. Здесь прежде всего необходимо упомянуть о двух фундаментальных положениях. Первое: мир изначально поделен на качественно различные части — на Китай и варваров. Китай — это сфера господства идеального порядка и цивилизации, варвары — это хаос и отсутствие элементарных норм человеческого общежития, которые только и делают человека человеком. Поэтому варваров с китайской точки зрения людьми в полном смысле этого слова считать нельзя. Они лишь "лицом люди, а сердцем звери"²⁵. Это трагическое разделение мира смягчалось с помощью идеального правления в самом Китае. Власть совершенномуудрого монарха трактовалась китайцами как распространение вовне благотворных

влияний²⁶. Под влиянием этого импульса бывший варвар преобразался в "дальнего", в "человека из дальних земель"²⁷, который самоотверженно преодолевал все тяготы трудного пути, стремясь к заветной цели в столицу, ко дворцу императора, чтобы продемонстрировать ему всю свою "искренность"²⁸ и всю глубину происшедших с ним перемен. Поэтому факт приезда в китайской доктрине внешних сношений играл важнейшую роль, совершенно отличную от той, которая принадлежала ему, скажем, в европейской дипломатической практике и теории международного права. Для китайцев приезд не только знаменовал собой желание "варваров" установить отношения со Срединной империей, но уже был свидетельством глубокого внутреннего изменения приезжего под влиянием благотворного воздействия императорских совершенств, более того, служил доказательством силы его воздействия²⁹.

Что же касается конкретного содержания отношений, то ему придавалось гораздо меньше значение, ибо в главном оно было априорно определено и неизменно: "варвары" должны были преобразаться под влиянием благой силы китайского монарха и в качестве свидетельства этого преобразования в определенные промежутки времени привозить дань ко двору. Все остальное было низведено до уровня лишенных общегосударственного значения мелочей, о которых следовало договариваться "в рабочем порядке". Вот почему в истории китайских внешних сношений приезд играл куда более важную роль, чем договор³⁰.

Сын Неба радушно принимал приезжего, награждал его, рекомендовал ему и далее придерживаться столь же похвального поведения и снабжал его необходимыми указаниями, "наставлениями совершенномудрого". Ободренный похвалами и награждениями, вооруженный наставлениями, преобразенный варвар уезжал в свои земли, чтобы с еще большей силой распространять там благое влияние императора. "Новый импульс рождал новый отклик, новый отклик требовал нового выражения и т.д. Процесс взаимодействия входил в спокойное русло и обретал непрерывность. Он прекращался лишь в том случае, если центр терял свою силу и династия

приходила в упадок. Но ее сменяла новая, которая действовала по той же схеме. Таким образом, приезд „варваров“ ко двору или, выражаясь современным языком, начало внешних сношений было как бы завершающим аккордом общего мироустройства”³¹.

Если обратиться к стихам, посвященным У-чжэню, то легко можно обнаружить, что они написаны в полном соответствии с изложенной выше доктриной и, в сущности, представляют собой иллюстрации к ее основным положениям. С особенной ясностью это проявляется в предисловии Бянь-чжана к его стихам в честь У-чжэня. Достаточно переставить в нем порядок фраз и подчеркнуть их причинную зависимость, чтобы получить логически связанный пересказ традиционной китайской доктрины внешних сношений, приуроченный к конкретному историческому моменту: путь царствующего государя столь же „высок, как у Яо и Шуня“, поэтому сила дэ государства распространилась на далекие и дикие земли, поэтому „десять тысяч владений обратились к покорности“, все „четыре моря“ приезжают ко двору, славят монарха и совместно наслаждаются его совершенствами. Среди приезжих оказывается и монах из округов Гуа и Ша.

Кроме предисловия Бянь-чжана тема совершенного правления отражена и во второй строфе стихотворения II: „Ведь сейчас настало время преображения недеянием, с ним не может сравниться даже сияющая мудрость Яо и Шуня“. О состоянии идеальной упорядоченности говорится и в стихотворении VI: „Звуки барабанов и пляски: Пусть славится совершенная мудрость многие годы! Колеи телег и писем: на земле в десять тысяч ли они едины“. О наслаждении идеальным состоянием пишет монах Тай-цзвань в стихотворении VII: „Сколь радостно слышать Ваня ясные и точные поучения и наслаждаться годами нашего великого спокойствия“. И наконец, бхаданта Ю-фу придает этому благополучию космический масштаб: „О, счастье! О, радость! Гармония тверди земной и небесной! Дикую, встречаем сияние Луны и Солнца!“ Совершенство государственного правления имеет своим следствием распространение благих влияний из центра, из Китая, на весь остальной мир. С кон-

статации именно этого факта и начинается предисловие к стихам Бянь-чжана: "Сила дэ нашего государства распространилась на далекие и дикие земли". Та же тема отражена и в первой строке стихотворения Ш: "Милость совершенномудрого императора затопила все края". Во второй строке стихотворения IV подчеркнут универсальный характер этого воздействия: "... монаршая милость для всех государств едина". И наконец, в наиболее типичном виде та же тема выражена в первой строке стихотворения У: "Потоки [благих влияний] совершенномудрого распространились на дальние и дикие [земли]".

Итак, "потоки благих влияний" распространились на "дальние и дикие земли" и достигли "западной окраины", где жил У-чжэнь. Остановимся несколько подробнее на квалификации района Дуньхуана в приведенных выше поэтических произведениях. Напомним, что посольство, с которым прибыл У-чжэнь, знаменовало собой возврат обширного района, а именно одиннадцати округов, под власть императорского двора³². В связи с этим представляется совершенно невероятным полное отсутствие в посвященных У-чжэню стихах каких-либо исторических реминисценций о единстве Китая и Дуньхуана, о нераздельности этих земель, отсутствие деклараций об органическом вхождении "округов Гуа и Ша" в состав китайской территории и, наконец, отсутствие темы восстановления территориальной целостности Китая. Вместо этого родина У-чжэня, которую он сам называет "землей барсуков и лисиц", на что получает комплиментарное опровержение, устойчиво квалифицируется как "варварский округ" (жун чжоу), как страна, отличная от Китая, о чем совершенно определенно сказано в предисловии Бянь-чжана: "Императорским приказом ему было позволено посетить монастыри, расплосженные в двух районах столицы, вследствие чего [я был назначен] для проведения расследования основ [его] буддийской доктрины, с тем чтобы выяснить, что есть общего и что отличного [в буддийском учении нашей] большой страны и [этого] варварского округа (жун чжоу)".

Это же отношение к Дуньхуану как к некоей варварской окраине, совершенно отличной от Китая, выражено и в

остальных поэтических произведениях. Для монахов-поэтов Дуньхуан - это далекие "варварские" земли, отделенные от собственно китайской территории огромной пустыней. Поэтому бхаданта Цзун-чжи писал, безусловно желая сделать комплимент У-чжэню, а ни в коем случае для того, чтобы его унижить: "Сколь длинен путь от реки и заставы в пустыне", а также: "...проехав из конца в конец плоскую пустыню, Вы прибыли в долину реки Хань". По мнению Юй-яня, земля, откуда приехал У-чжэнь, - это варварская страна (жун лу ди); Цзянь-гун называет ее "варварской пустошью" (и кун), Ю-фу - "песчаной окраиной", а бхаданта Янь-чу не сомневается, что родина У-чжэня - страна "иная, чем наша".

Итак, Дуньхуан, по мнению всех посвятивших стихи У-чжэню, - это далекая, дикая, иная земля. Поэтому нет ничего удивительного в строках Ю-фу, где он спрашивает У-чжэня: "Далеко ли Ваша область от пяти Индий? И если смотреть на запад, можно ли увидеть покрытые снегом горы?"³⁵.

Конечно, критически настроенный читатель может расценить приведенные выше квалификации дуньхуаньских земель лишь как поэтические метафоры, не отражающие сущность реального политического сознания соответствующего периода. Поэтому было бы очень интересно сопоставить их с соответствующими оценками серьезных исторических сочинений. На наш взгляд, на эту роль вполне подходит "Новая история династии Тан". Если достоинства этой истории как исторического источника и могут быть подвергнуты некоторым сомнениям, то ее образцовая ортодоксальность общеизвестна. Оуян Сю, Люй Ся-цин, Сун Минь-цю, Сун Ци и другие авторы стремились создать произведение, подобное летописи Конфуция "Весна и осень". Именно на эту работу наряду с трудами Сыма Гуана опирался Чжу Си, приводя в систему неоконфуцианскую концепцию философии истории. Так что свидетельства "Новой истории династии Тан" в плане их соответствия ортодоксальному конфуцианскому политическому сознанию соответствующего периода не могут вызывать никакого сомнения.

На первый взгляд может показаться, что в "Синь Тан шу" есть одно место, которое позволяет говорить о том, что в эпоху Тан китайцы рассматривали земли, откуда приехал У-чжэнь, как свою исконную территорию. Так, в разделе "Ту фань" сказано: "Сянь-цзун часто смотрел на чертеж Поднебесной. /И когда он/ останавливал взгляд на старых владениях Хэ-Хуан, он /приходил/ в ярость и /вынашивал/ замысли об овладении ими"³⁴.

Насколько можно судить по тексту того же раздела, Хэ-Хуан вряд ли следует понимать узко как земли в долине р. Хуаншуй и верховьях Хуанхэ. При Тан так назывался обширный район на западных границах Китая, место расселения "западных варваров"³⁵, куда, по-видимому, включались и округа Гуа и Ша. Во всяком случае, монах-поэт Сибо в посвященных У-чжэню стихах связывает его родные места с двумя географическими названиями - Лунью и Хэ-Хуан, которыми он, по всей вероятности, именовал один и тот же район - западные земли, вновь перешедшие под власть Китая. Но если район Хэ-Хуан был "варварским" или, в лучшем случае, "полуварварским", чем же объясняется тогда негодование императора Сянь-цзуна по поводу утраты "старых владений"? Текст "Новой истории династии Тан" в состоянии дать на этот вопрос совершенно определенный ответ. Однако для этого требуется сделать одно небольшое отступление.

Через весь раздел "Ту фань", равно как и через другие разделы "Новой истории династии Тан", посвященной соседним народам, красной нитью проходит одна тема - поиск оптимальной политики по отношению к "варварам". Вслед за Оуян Сю Сун Ци исходит из неколебимого постулата: "Варвары - величайшее из бедствий Китая"³⁶. Поэтому первая задача политика и историка заключается в определении наилучших способов избавления от этого бедствия. Разумеется, было бы серьезной ошибкой видеть в подобном отношении Китая к соседям лишь неумеренный синоцентризм. Под этим постулатом, безусловно, скрываются и некоторые реальные исторические закономерности сосуществования двух различных обществ, отнюдь не отличавшегося идиллическим

характером. Если, выражаясь языком "Синь Тан шу", в одном обществе "каждый вол работал в поле", а в другом — "каждая лошадь воевала", то соседство действительно представляло ряд трудноразрешимых проблем, ибо первые стремились оттеснить своих соседей силой оружия как можно дальше, "перепахать их дворы"³⁷ и "заградить проходы"³⁸, вторые же, в свою очередь, угрожали "большому государству" тем, что в нем не смогут "весной сеять, а осенью убирать урожай"³⁹.

В процессе многовековой практики в Китае сложились две основные доктрины, определявшие его политику по отношению к "варварам", — экспансионизм и изоляционизм⁴⁰. Приверженцы первой стремились распространить политическое влияние Китая на весь актуальный политически внешний мир, настаивая на том, что "Сын Неба обращается с варварами четырех сторон подобно тому, как Небо и Земля поступают по отношению к десяти тысячам явлений, /то есть/ вращивают их, несут на себе, накрывают их и обеспечивают им полный покой"⁴¹. Вторые считали нужным сосредоточить основное внимание на управлении собственно китайскими землями, полагая, что в этом и заключается наилучший способ защиты от внешних врагов. Спор между сторонниками этих направлений определял внешнеполитическое сознание китайцев на протяжении всей истории Китая от Хань до Цин, ставя в центр политической жизни вопрос о способе управления и оттесняя соответственно территориальные проблемы на второй план. Под этим углом зрения и написаны все разделы о "варварах" в "Новой истории династии Тан".

Отражая весьма распространенные при Сунах настроения, Сун Ци склонялся к изоляционизму, видя в нем гарантии не только внешней, но и внутренней безопасности. Так, начиная раздел о тюрках с исторического обзора внешней политики различных династий, сравнивая и анализируя внешнюю политику Китая в различные эпохи, Сун Ци отдает решительное предпочтение чжоусцам, сущность внешней доктрины которых, по мнению автора, состояла в том, чтобы "изливать милость на центральное /государство/ Ся и тем

обеспечивать мир четырех сторон"⁴². Та же мысль звучит и в заключительной части этого раздела, где Сун Ци критикует чрезмерный экспансионизм династии Суй, приведший к внутренней смуте, а через это к ослаблению Китая и к повышенной агрессивности "варваров четырех сторон"⁴³. Наиболее четко размышления о пагубности экспансионизма сформулированы Сун Ци в заключительной части раздела "Ту фань", где он дает характеристику императору Сянь-цауну. Сун Ци пишет: "Лишь совершенномудрый способен обеспечивать спокойствие вовне и мир внутри. Сянь-цаун же обладал безудержной силой дэ и намного расширил земли. Он увлекался подвигами вдали и пренебрегал делами вблизи. [В результате], как только поднялись мятежники, Центральная равнина распалась на части, не могла вернуться к целостности в течение двухсот лет и пришла в упадок. [Отсюда вывод]: прежде всего следует наладить управление внутри, чтобы варвары четырех сторон прониклись страхом. И это есть лучший способ поддержания [нормального положения]"⁴⁴. Альтернатива экспансионизму, которую предлагали сунские историки, сводилась в теоретическом плане к улучшению управления собственно китайскими землями и к распространению благих влияний на внешний мир - к "успокоению и привлечению [к себе варваров] с помощью благой силы дэ"⁴⁵, так что тема власти как распространения не теряла своей важности и в глазах сторонников изоляционизма. Однако реальная политическая практика существенно дополняла теоретическое содержание изоляционизма доктриной борьбы за стратегически важные пункты во внешних землях. Эта борьба встречала одобрение даже со стороны таких убежденных противников экспансии, как авторы "Синь Тан шу". Так, Сун Ци одобрительно отзывался о докладе Цуй Жуня относительно четырех военных округов⁴⁶, территория которых была вновь отвоевана Китаем в конце VII в.

В ответ на предложение упразднить четыре военных округа Цуй Жунь подал трону доклад, где он доказывал пагубность этой меры. В начале своего послания он сделал исторический обзор внешней политики Китая, остановился на

успехах Хань при императоре У-ди, на важности предпринятых в связи с "открытием Западного края" оборонительных мероприятий, преследовавших цель рассечения "варваров" с помощью основания опорных пунктов в Центральной Азии. Цуй Хун утверждал, что успехи императора Тай-цзуна в деле обороны объяснялись тем, что он "следовал старым путем Хань"⁴⁷, отчего соседние народы относились к Китаю с почтением, но стоило только его преемнику, императору Гао-цзуну, оставить четыре оборонительных округа, как положение резко изменилось: тибетцы усилились и превратились в опасного соседа. Поэтому ныне, когда "/Ван/ Сяо-цае овладел четырьмя округами и возвратил /Китаю/ старые владения прежних императоров"⁴⁸, нельзя ни в коем случае упразднить четыре оборонительных округа, ибо это "сведет на нет успех и разрушит стратегию"⁴⁹. Так, если "не оборонять четыре округа, то варварские солдаты приблизятся к Западному краю, если Западный край окажется в опасности, то это напугает южных цянгов, если же южные цянги присоединятся /к этим беспорядкам/, то Хэси окажется в опасности"⁵⁰.

Как можно видеть, Цуй Хун рассуждал с профессионально-военной точки зрения и оценивал опорные пункты Китая в Центральной Азии исключительно в плане оборонительной стратегии. Нам кажется, что негодование императора Сян-цзуна по поводу утраты "старых владений" - это выражение упоминается, кстати, и в докладе Цуй Хуна - имело те же самые причины. Сян-цзун негодовал из-за утраты выгодных стратегических позиций, а не из-за отторжения от Китая органически входящих в состав его территории земель. Да, собственно, иначе и быть не могло: сосуществование Китая с западными соседями было в то время сопряжено с постоянной вооруженной борьбой, постоянной динамикой пограничной линии, которая зачастую оказывалась "неясной"⁵¹ и зависящей от временных военных успехов. В связи с этим немалая часть раздела "Ту фань" "Новой истории династии Тан" посвящена пограничным проблемам, многократным сообщениям о нарушении границ и столь же многократным попыткам их установления⁵². В этих ус-

ловиях вряд ли могли возникнуть представления о прочном территориальном единстве собственно китайских и западных земель. Напротив, "земли за заставами" воспринимались как нечто отдельное, необходимое лишь для обороны. Интересно, что именно так и охарактеризовал их Го Юань-чжэнь, которого императрица У-хоу направила для переговоров к тибетцам. Во время беседы Го Юань-чжэня с тибетским правителем Цинь-лином был затронут вопрос о положении в "Западном крае". Цинь-лин предложил предоставить этому району полную политическую самостоятельность. В ответ на это Го Юань-чжэнь сказал: "Дом Тан с помощью десяти туркских фамилий и четырех оборонительных округов охраняет мир в Западных землях. Положение их правителей не отличается от глав вассальных государств (ле го)"⁵³.

Как можно видеть, свидетельства "Синь Тан шу", ообразцового с ортодоксальной точки зрения исторического сочинения, совпадают с тем, что говорится в стихах, посвященных У-чжэню. Для сунских историков и танских политиков западные земли, даже такие "китайские", как Дуньхуан, не говоря уже о "Западном крае" в узком смысле слова, — это нечто столь же далекое и чуждое собственно Китаю, как и для монахов-поэтов, встречавших У-чжэня.

Выбранная нами тема требовала, чтобы при разборе ответственных стихов особое внимание было уделено территориальным характеристикам. Однако следует отметить в подтверждение соответствия этих поэтических произведений политическим воззрениям своего времени, что в них нашли отражение и все остальные фазы процесса "преображения варваров" в трактовке традиционной политической доктрины. Выше мы остановились на том, что благое воздействие императора достигло "диких земель". Следующая фаза: наиболее достойные начинают ощущать это влияние или, говоря словами монаха Цзянь-гуна, "чувствуют на себе преобразующее влияние совершенномудрого императора". Нет необходимости здесь вновь перечислять все те лестные характеристики "удивительного монаха", которыми вежливые хозяева пересыпали свои стихи. Отметим только, что сделали они это не

из одной любезности, но и в силу требований политической доктрины: "стремиться к Сыну Неба", чтобы "собственными глазами созерцать лик императорского дракона", - подобные желания могли возникнуть лишь у достойного человека. Ради этого он проделывает дальний и трудный путь - тема, получившая отражение во многих стихах, - и прибывает в столицу. Цель его приезда Бянь-чжан указал в предисловии, а четыре автора сочли необходимым сформулировать ее в заголовках стихов: У-чжэнь приехал "выразить искренность" императору, что, как мы уже упоминали выше, было неременной обязанностью каждого иноземного гостя. Как и подобает стремящемуся к "преображению" (хуа), У-чжэнь намеревался обсудить с императором свои возможности в этом плане. Во всяком случае, такие намерения в стихотворении Ш приписывает ему Янь-цзянь. Далее У-чжэню надлежало получить императорские инструкции и обогащенным вернуться в свои родные места. Эта тема получила отражение в стихотворениях Ш, IV, V и IX. Кроме того, об этом моменте написал сам У-чжэнь, вспоминая о преодоленных трудностях обратного пути: "К счастью, /мы были/ овеяны ветром Яо и накрыты грозным и преобразующим /влиянием императора/"⁵⁴.

Итак, как показывает разбор стихов, посвященных приезду У-чжэня, они написаны в строгом соответствии с политической доктриной того времени, согласно которой У-чжэнь был принят как "иноземный гость", а Дуньхуан охарактеризован как далекая "варварская" земля. Это позволяет нам утверждать, что приведенные в начале нашей статьи высказывания китайских ученых не согласуются не только с фактами, но и с самой структурой китайского политического сознания того времени.

Примечания

¹ Цит. по: С. К у ч е р а. Некоторые проблемы, связанные с археологическими находками в Турфане и уезде Хаохэсянь. - Шестая научная конференция "Общество и государство в Китае". М., 1975, с. 627-628.

2 Chen Tzu-lung. *La vie et les oeuvres de Wou-tchen (816-895). Contribution à l'histoire culturelle de Touen-houang. P., 1966* (далее - Чэнь Цзю-лун. Жизнь и труды).

8 Согласно преданию, знаменитый поэт и философ периода Хань Ян Сян (58 г. до н.э. - 18 г. н.э.) отличался необычайной природной одаренностью и огромной эрудицией (см.: Б а н ь Г у. Хань шу /История династии Хань/. Пекин, 1964, цз.87, с. 3514). Работая над своим основным философским произведением "Тай сянь цзян" ("Классическая книга о высшей тайне"), Ян Сян увидел во сне, будто он выпил белого феникса. Отсюда возникло выражение "талант, плывущийся фениксами" применительно к людям высокообразованным и богато одаренным.

4 Намек на ученого Цзянь Юя, жившего при династии Цзинь (265-420), который из-за бедности читал при свете собранных им свечечков (Чэнь Цзю-лун. Жизнь и труды, с. 32).

5 Феникс - символ императора, поэтому столицу, место пребывания императора, часто называли городом фениксов.

6 Знаменитый ханьский ученый Дунфан Шо писал в своем послании императору У-ди, что он овладел основами истории и литературы к третьему месяцу зимы: См.: Б а н ь Г у. Хань шу, цз. 65, с. 284I. Употребляя это выражение, Бянь-чан хотел сравнить У-чжэня с Дунфан Шо и тем подчеркнуть природную одаренность гостя.

7 Чэнь Цзю-лун. Жизнь и труды, с. 23-32.

8 Намек на классическую книгу "Шу цзин" ("Книга документов"). В "Шу цзине" сказано: "... после завоевания [империи] Шан был открыт путь, ведущий к девяти варварским и восьми диким [племенам]. Западное [племя] луй принесло в дань собак во" (см.: J. L e g g e. *Chinese classics. Vol. 3. Hongkong - London, 1865, с. 345*). Ссылкой на классический текст автор стихотворения хотел сказать, что влияние династии Тан на внешние земли с возвратом одиннадцати западных округов и с приездом посольства из Дуньхуана возросло намного больше, чем влияние дома Чжоу после покорения им государства Шан. Поэтому дань, принесенная чжоусцам даже самыми отдаленными племенами, кажется Цяун-чи намного менее важной по сравнению с приездом У-чжэня.

9 Чэнь Цзю-лун. Жизнь и труды, с. 32-34.

10 Там же, с. 34-35.

11 Там же, с. 36-37.

12 Там же, с. 37-38.

13 Солнце и Луна здесь являются символами императора и императрицы.

14 Чэнь Цзо-лу. Жизнь и труды, с. 39-40.

15 Там же, с. 40-41.

16 Синтез различных идеологических учений - тема, весьма популярная при династии Тан.

17 Согласно легендарной буддийской традиции, ханьский император Мин-ди (58-75 гг.) отправил на Запад посольство, которое через несколько лет вернулось в Китай совместно с первыми буддийскими миссионерами Каньяпа Матангой и Дхармаратной (в китайской транскрипции - Чу Фа-лань) (см.: E. Zurcher. *The Buddhist Conquest of China. Leiden, 1959, с. 22*). Сравнивая У-чэня с Дхармаратной, Си-бо хотел сказать, что его приезд равнозначен прибытию в Китай первых миссионеров.

18 Бо-ван - титул Чжан Цяня.

19 Лунью - одна из десяти провинций (дао) танского Китая, куда входил и Дуньхуан.

20 В танское время было распространено, вероятно идущее от Сюань-чжуана представление о том, что Индия делится на пять частей (см.: Чэнь Цзо-лу. Жизнь и труды, с. 43-44).

21 Чэнь Цзо-лу. Жизнь и труды, с. 41-43. Вероятно, Си-бо хотел узнать, видны ли из Дуньхуана Гималаи. Но скорее всего он просто намеревался подчеркнуть удаленность Дуньхуана от собственно китайских земель.

22 Сравнением У-чэня с Васубанду (Тянь-цзинем) Ю-фу хотел подчеркнуть эрудицию и компетентность гостя из Дуньхуана в вопросах буддийской догматики.

23 Намек на II-ю гексаграмму "Книги перемен", символизирующую подъем и идеальную гармонию в мироздании и в обществе (см.: Ю.К.Шуцки и Я. Китайская классическая "Книга перемен". М., 1960, с. 231-232).

24 Чэнь Цзо-лу. Жизнь и труды, с. 43-44. Термин "Начальное спокойствие", равно как и встретившийся нам в стихотворении II термин "великое спокойствие", обозначали в доктрине восточнотанского философа Хэ Сю два периода благополучного состояния Поднебесной (см.: Инаба Итиро. Сю дэю ко ё гаку но раки си тэцу гаку (Философия истории в школе "чунь цю Гунъян"). - "Сирин". Т. 50, № 3, с. 78-79).

25 А.С.М а р т ы н о в. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. - НАА. 1972, № 5, с. 78.

26 Там же, с. 77, 80-81.

27 А.С.М а р т ы н о в. "Дальние" в системе "чао гун". - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IУ годичной научной сессии ЛО ИНА. Л., 1968, с. 58-59.

28 А.С.М а р т ы н о в. Представления о природе..., с. 81.

29 Там же, с. 82.

30 О роли договора см.: *H. F r a n k e. Treaties between Sung and Chin. - Etudes Song in memorial Etienne Balazs. Ser. I. Histoire et institutions. 1970.*

31 А.С.М а р т ы н о в. Представления о природе..., с. 82.

32 Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Сост. Оули Сю, Сун Ци и др. Сер. "Сыбуэйяо", цз. 8, с. 84.

38 ч э н ь Ц з о - л у н. Жизнь и труды, с. 41-43.

34 Синь Тан шу, цз. 216 ся, с. 1649.

35 Там же, с. 1648.

36 Там же, цз. 215 ся, с. 1628.

37 Там же, цз. 216 ся, с. 1645, 1650.

38 Там же, с. 1645.

39 Там же, цз. 216 шан, с. 1641.

40 А.С.М а р т ы н о в. Представления о природе..., с.78-80.

41 Синь Тан шу, цз. 215 шан, с. 1627.

42 Там же, с. 1628.

43 Там же, цз. 215 ся, с. 1638.

44 Там же, цз. 216 ся, с. 1650.

45 Там же, с. 1645.

46 Здесь имеются в виду четыре оборонительных округа, находившиеся к западу от Дуньхуана, на территории центральноазиатских владений, - Цюцы, Ютянь, Яньци и Шуэ (современная провинция Синьцзян). Эти земли в эпоху Тан составляли то, что называлось "Западным краем" в собственном смысле слова. Однако это выражение употреблялось и более широко. Об этом см.: *H. S e r g u y s. The Mongols of Kansu during the Ming. - МСВ. Т.10.1955, с.246.*

- 47 Сянь Тан му, цз. 216 нан, с. 1641.
- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Там же, цз. 216 ся, с. 1646.
- 52 Там же, с. 1646-1649.
- 53 Там же, цз. 216 нан, с. 1641.
- 54 Чэнь Цзо-луи. Лиань и труды, с. 100; "вэй хуа" - "громкое и преобразующее влияние". О значении этих новизн императорского воздействия на внешний мир см.: А.С.Нартынов. О двух рядах терминов в китайских политических текстах. - ПШВ. 1969. 1972, с. 343-348.